

Хочу замуж!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АШИРА ХААН

Ашира Хаан

Хочу замуж!

«Автор»

2026

Хаан А.

Хочу замуж! / А. Хаан — «Автор», 2026

Хочу замуж! Да, я там уже была, ну и что? Первый раз не все разглядела. Вдруг что-то интересненькое осталось незамеченным? На работе одни женщины, на сайтах знакомств одни уроды, на улице все уткнулись в телефоны. Спасет меня только чудо! Пролезть через кольцо в слове "Любовь" в Костроме. Обойти три раза церковь Параскевы Пятницы. Упасть в "невестин куст". Коуч Серафима знает толк в ритуалах, приводящих к замужеству. И нас приведет, даже если будем сопротивляться!...а пока я не нашла своего суженого, можно ведь немного развлечься с этим "шкафчиком со взглядом убийцы", как назвала нашего соседа по круизу подруга Ленка?

© Хаан А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Загадай!	5
Шкафчик	8
Обед без капитана	10
Это учебная тревога	12
Ночь, что за странная свобода...	14
Склизкие яйца	17
Сундук с приданым	20
Колечко в огне	22
Настя	25
Пепел прошлого	28
Зря	30
Вышла замуж	33
Жить	36
Не успела	39
Орангутанг	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ашира Хаан Хочу замуж!

Загадай!

- Любого можно загадать?
- Абсолютно любого. Не стесняйся, разреши себе все.
- И красивого тоже?
- Настя, Настя...
- Что-о-о-о-о?
- Все нормальные женщины начинают с богатого. С лица воду не пить, мужчина должен быть лишь чуть красивее обезьяны.
- Ой, ну ладно, богатого тоже, вторым пунктом. Ой, нет, вторым — умного! Богатого — третьим. Еще — щедрого, а то что мне до его богатства? И доброго. Чтобы кошек любил, а то на собак у меня аллергия.
- Молодец! Продолжай! Девочки, смотрим, учимся, продумываем свой заказ!
- Ммммм... Чтобы у него машина была роскошная! Кабриолет на белом салоне! Квартира большая с террасой и видом на закат. И огромной ванной!
- Что-то ты мельчишь, так до занавесок и вилок дойдешь.
- Но ведь можно же любого? Я хочу большую ванну!
- Ладно, продолжай
- Чтобы был из полной семьи, в хороших отношениях с отцом.
- Зрелый выбор.
- И чтобы в «плойку» со мной играл! В «Мортал комбат», а то подраться не с кем!
- Насчет зрелости я поторопилась...
- Чтобы спал в постели голым, никогда не включал верхний свет, обязательно пользовался только «айфонами» и «макбуками», трусы носил боксеры, а то эти семейники такое фу-у-у-у. И пишет пусть сидя! Вот! С вышкой, можно двумя или даже степенью, одна обязательно гуманитарная. Чтобы любил читать, знал не меньше трех языков, много путешествовал — со мной, конечно!
- Мне нравится, как ты разогналась. А рост? Для девочек важен рост.
- Высокий, конечно! И с такой фигурой, чтобы треугольник и талия! С татушками на руках! И волосы чтобы не слишком короткие, чтобы можно было в них вцепиться. Сова! Обязательно сова! С жаворонком я с ума сойду. Чтобы умел вызывать клининг и заказывать еду, но обожал мою готовку. Чтобы умел танцевать!
- Ты же не любишь танцевать?
- И что? Я хочу любоваться! Чтобы любил рок и классику. Чтобы у него было миллион хобби, которые он все попробовал, но без фанатизма. Чтобы любил Новый год. Чтобы постоянно признавался в любви. Не ревновал и не флиртовал с другими. Еще хочу, чтобы у него дома висели винтажные американские плакаты. А постельное белье было белоснежным и крахмальным, как в отеле. Чтобы обожал ходить босиком, носить обтягивающие черные футболки и серые спортивные штаны, любил серебряные кольца и тяжелые крупные часы. Костюмы пусть предпочитает светлые, обязательно летает только первым классом. Мороженое пусть любит фисташковое, а еще пусть обожает итальянские сладости — тирамису, канноли, семифредо. И поддерживает меня во всех начинаниях и гордится мной. И еще у него должен быть шрам. Обязательно. Где-нибудь, неважно где, хоть аппендицит пусть вырежут. А еще пусть я у него в телефоне буду записана каким-нибудь совершенно милым и дурацким именем.

— Думаю, хватит на этом...

— Ой, а я только во вкус вошла.

— Последнее скажи. Что угодно.

— Чтобы после первого свидания подарил мне какой-нибудь офигенно дорогой подарок, о котором я всю жизнь мечтала!

— Меркантильная какая, а. А о чем ты мечтаешь?

— Блин, не знаю... Абдоминопластику сделать, наверное. После родов не живот, а катастрофа. Дороже этого только квартира, но если мне мужик подарит после первого свидания квартиру, я на следующий же день сбегу в Воркуту и сожгу паспорт!

— Отлично! Следующая!

Я отступила обратно в круг и несколько раз вдохнула и выдохнула, как после пробежки. Сердце все еще колотилось как сумасшедшее. Мечтать об идеальном мужчине оказалось неожиданно волнующим. Как будто я и правда заказывала его — и ждать доставки оставалось совсем недолго.

Огляделась по сторонам. Несколько девушек, тоже стоящих в нашем кругу, продолжали смотреть на меня с интересом. Кое у кого на лице было написано удивление, а у некоторых — даже возмущение. Это что я такое сказала-то?

Довольно быстро я поняла — что.

— Чтобы хотел детей! Двух! Или трех!

— Мне нужен простой и спокойный мужчина. Непьющий, некурящий и чтобы руку не поднимал.

— Цветы необязательно, машины-квартиры ерунда, просто пусть будет рядом и не сбежит при первых трудностях. А! И с работой!

— Доброго, надежного, чтобы умел гвоздь дома забить.

— Немного сумасшедшего, чтобы с ним не было скучно!

Никто не заказывал кабриолеты и террасы. Никто не уточнял про мороженое и винтажные плакаты. Даже про внешность не говорили и уж тем более — про секс. А я вообще-то успела пожалеть, что не высказала пожелания по размеру!

Блин. На фоне всех остальных девушек в «кругу манифестации» я выглядела не просто меркантильной. Нет. Я была избалованной и требовательной. Никаких традиционных ценностей, о которых гордо заявила Полина, синеглазая красавица с длинными светлыми волосами почти до пояса. Никакого «чтобы наши души резонировали», как сказала Есения — кажется, самая юная участница нашего тренинга. На вид ей было едва-едва восемнадцать, и все в ней было свежо и прекрасно.

Даже представить себе не могу, как у девушки с модельной внешностью — тонкой талией, длинными ногами и красивой стоячей грудью — могут быть проблемы с поиском мужа. Мне казалось, за такими стоит очередь отсюда и до Патриков. Где такие обычно водятся со своими требованиями «чтобы зарабатывал миллион в минуту».

А этой нет, не нужен миллион.

Душа ей нужна.

Каждую участницу мы подбадривали аплодисментами.

И каждая — клянусь! — кидала на меня торжествующий взгляд.

Как будто мы тут решили соревноваться, кто лучше изобразит скромницу Настеньку из «Морозко». Так-то, если бы я хотела мужа уровня «не ссытся в штаны», могла бы взять соседа Лешу. Он уже два раза подкатывал с тех пор, как умерла его мама, с которой он жил до своих сорока двух лет.

Я немного рассчитывала на Ленку, до которой очередь дошла последней.

Но и подруга меня подвела.

Опустила очи долу и пролепетала:

— Думаю, Вселенная и Бог приготовили для меня самое лучшее, я доверюсь их выбору...

— Нет, нет, нет! Обязательно надо сказать! — запротестовала наша коуч Серафима. — Вселенная хочет тебе самого лучшего, помоги ей! Это как заказывать подарок своему лучшему другу! Ты будешь рада любому выбору, но он хочет порадовать тебя по-настоящему!

— Тогда... — Ленка обернулась ко мне, но я ей ничем не помогла, только показала на пальцах, с какого размера надо начинать. Она возмущенно закатила глаза. — Тогда... Чтобы умел меня удивлять! И был настойчивым, а то, знаете, какие сейчас... Ой! То есть, пусть он будет настоящим мужчиной!

— Принято! — хлопнула в ладоши Серафима. — Поздравляю, девочки! Вы отправили свой запрос в пространство. И во время нашего круиза мы как следует его закрепим!

Да. Мы отправлялись в трехнедельный тренинг-круиз «Хочу замуж! Тренинг-интенсив для тех, кто отчаялся», чтобы от души подергать судьбу за хвост.

Потереть все скульптуры, посидеть на всех камнях, поставить свечки перед всеми иконами, что сулят скорое замужество.

В отзывах писали — результат 100%!

Шкафчик

— Гляди, гляди, какие матросики! — пихнула меня в бок Ленка.

Молодые парни в обтягивающих тельняшках один за другим сбегали по трапу и подхватывали чемоданы пассажиров, стоящих в очереди на посадку. Часто по два, а кое-кто умудрялся засунуть под мышку и третий. Бицепсы бугрились, на спинах проступали роскошные широчайшие мышцы спины.

Круиз начинался многообещающе.

На палубе у трапа нас встречали мужские особи покрупче — в белой летней форме и фуражках, постарше лет на десять. Правда, уже не такие аппетитные.

— Добро пожаловать на борт!

— Ваш ресторан на верхней палубе, в каюте вас ждет приветственный буклет и папка с описанием экскурсий! Расписание на день разносят во время ужина, не опаздывайте!

— Паспорт и путевку, пожалуйста!

— Кулер на главной палубе, кофестанция на средней, бар на верхней, открыт с шести утра до полуночи.

— Ждем вас на приветственный коктейль сразу после отправления!

Наша тусовка желающих срочно выйти замуж насчитывала всего-то тридцать человек. Теплоход, на который мы грузились, судя по табличке на стене, вмещал триста пассажиров.

— Я думала, мы тут произведем захват корабля и поднимем свой флаг... — несколько разочарованно протянула Ленка, которая прочитала ту же табличку.

— Угу, — кивнула я. — А нормальных людей все равно больше.

Нормальные люди стояли вместе с нами в очереди на ресепшен и были легко отличимы от участниц тренинга. Потому что средний возраст пассажиров без учета нашего шабаша был где-то лет семьдесят. К моему удивлению, это были не только женщины, но и их мужья. Статистически крайне мало мужчин доживает у нас в стране до столь преклонного возраста. И, кажется, все они отправляются в круиз по Волге.

— Гляди, гляди! — Снова начала дергать меня за рукав Ленка. — Ну повернись же!

— Кто там? Опять матросы? Или капитан?

Я лениво развернулась в ту сторону, куда она меня подталкивала.

— Глянь, какой шкафчик со взглядом убийцы!

С другой стороны ресепшена подошел высокий мощный мужчина с таким разворотом плеч, словно с юности таскал по три чемодана вместе с матросами. Выделялся он и возрастом — не матросские двадцать, не офицерские тридцать и не старперские семьдесят. Крепкий сороковник, причем бодрый, хорошо сохранившийся.

— Ну шкаф, — вздохнула я. — И что?

— А то! Он в люкс заселяется! С балконом! Один! — зашипела мне в ухо Ленка.

— Балкон — это не главное, — рассеянно пробормотала я, скользнув по нему мимолетным взглядом.

— А что, по-твоему, главное? Твое крахмальное постельное белье? — возмутилась она. — Насть, ты как будто вообще замуж не хочешь.

— Честно? — я подала свой паспорт и расписалась в каких-то бумажках, выданных мне ресепшеном. — Не особо. Я за компанию с тобой поехала.

— Ой, не говори ерунды! Сколько ты уже одна? Лет пять? Пора, Насть, пора!

— Я думала, что одного штампа и одного ребенка достаточно, чтобы часики перестали тикать.

— У настоящей женщины часики не перестают тикать никогда! — фыркнула Ленка, получая ключ от нашей с ней общей каюты на средней палубе. — Пошли скорее, посмотрим как отчаливать будем!

Отчаливали мы под бравурную музыку, и белоснежный, залитый солнцем Северный Речной вокзал сам выглядел как огромный белый теплоход, с которым мы расходились в разные стороны. Мы с Ленкой — за своим женским счастьем. А он... А он как всегда — провожать корабли, отправляющиеся каждый за своей мечтой.

— Ну где он? — Ленка вся извертелась.

Мне было интересно, как на носу теплохода наматывают канаты два молодых парня в белых касках, а ей почему-то нет. Она все высматривала кого-то в толпе, собравшейся по бортам.

— Кто?

— Ну этот... шкафчик из люкса.

— Так в люксе свой балкон, — обломала я ее. — Зачем ему тут толпиться, если там можно посидеть в кресле с бокалом вина?

— Ну-у-у-у, так неинтересно! — надулась она. — Я уже подумала, что это судьба. Не зря же такой красавец попал к нам на тренинг желающих замуж!

— Лен... Нас тридцать человек. Плюс Серафима, которая отнюдь не дура. Для кого конкретно он судьба?

— Блин.

Я не могла не заржать над выражением ее лица.

Она и правда не подумала, что мужик, конечно, большой, но на тридцать с лишним баб его точно не хватит.

— Ладно, — вздохнула Ленка. — Но хотя бы капитана нам дадут потрогать? С детства неравнодушна к белым фуражкам!

— Куда он денется... — сказала я вслух, а про себя подумала, что при таком соотношении М к Ж на нашем круизе, капитан точно будет весь рейс прятаться у себя на мостике, перед которым висела строгая табличка «Посторонним вход воспрещен!»

Обед без капитана

Прогудев на прощание своим коллегам, остающимся пока у причала, наш теплоход неспешно двинулся по Москва-реке на северо-восток, к нашей первой остановке.

Музыка стихла, но вместо нее нам принялись зачитывать путевую информацию. В каком году был построен речной вокзал, как развивалось речное пароходство и прочие крайне интересные сведения о тех местах, где мы проходили. Похоже это все было на школьные рефераты, целиком скатанные из Википедии. И зачитанные хорошо поставленным голосом человека, который занимается этим несколько десятков лет.

Как поведала мне Ленка, наш теплоход был построен в семидесятых годах в Германии. Об этом с гордостью было написано на медных табличках на каждой палубе.

Так что, не исключая, что путевая информация с тех пор не менялась, и скатали ее даже не из Википедии, а из Большой Советской Энциклопедии.

Все вокруг было немножко ретро: потертые красные ковры в длинных коридорах, деревянные панели на стенах, медная окантовка светильников, ручка, которую надо крутить, чтобы открыть окно, гладкие лакированные перила внутренних трапов — и даже система кондиционирования, несомненно, в семидесятых бывшая запредельной технической роскошью.

— Приглашаем пассажиров на обед! Пройдите, пожалуйста, в ваш ресторан! — прервав на полуслове бормотание про шлюзы, через которые нам предстоит пройти, заявило радио.

— Гля, ресторан! — обрадовалась я. — Лен, ты слышала? Ресторан! Не какая-то там столовка!

— «Макдональдс» так-то тоже ресторан, — скептически отозвалась та.

Ну и...

Не зря бухтела.

Главным шоком стало то, что усадили нас вместе с двумя другими девушками с тренинга.

Как нам объяснила заведующая рестораном, это еще советская традиция — сажать отдыхающих всех вместе. Раньше еще и в каюты селили незнакомых друг с другом.

Времена сменились, а вот места больше на теплоходе не стало, поэтому, чтобы не создавать хаос, решили продолжать рассаживать принудительно.

Нам достались самая молодая и самая... взрослая участница тренинга, которой было лет шестьдесят на вид. Но все оказалось еще веселее.

— Мне семьдесят два! — с гордостью заявила она. — Правда, я молодо выгляжу? Все дело в том, что я никогда не была замужем, вот и сохранилась так хорошо.

Семидесятилетнюю соседку звали Татьяна Марковна. Выглядела она и вправду роскошно и одета в отличие от нас была со вкусом и явно подбирала образ под круиз. Белый брючный костюм и широкополая шляпа, которую она сняла и попросила специальный стул у официантки.

— Как же так получилось, что вы всю жизнь одиноки? — удивилась Ленка. — А главное, зачем вам тогда наш тренинг?

— Ох, я не говорила, что одинока... Отнюдь! — кокетливо повела плечиком та. — Вокруг меня всегда были прекрасные мужчины! Но я решила под конец жизни все-таки попробовать, как это — замужем. Серафима наша дает гарантию, что какая-нибудь примета да работает. Вот и проверим. А вас, красавицы, как звать-величать?

— Полина, — представилась вторая соседка, та самая синеглазая супермодель с роскошными светлыми волосами.

Я уже знала, как ее зовут, а вот Татьяна Марковна записала в маленькую бальную книжечку. И Ленку тоже записала. А меня почему-то нет. Я постеснялась спросить о причинах дискриминации.

— Полиночка, ты же такая красавица, зачем тебе какие-то магические ритуалы? — выразила Татьяна Марковна нашу общую мысль. — Тебя все мужики от двадцати до восьмидесяти с руками оторвут, только ресницами махни!

— Да, оторвут... — Полина кивнула. — Но ненадолго. На разочек, на два. А жениться никто не захочет.

— Тебе просто не везло! Какие твои годы!

— Мне давно уже не везет... и маме моей не везло. И бабушке, — Полина махнула ресницами снова, на этот раз распахивая глаза, в которых почти заблестели слезы. — Наша семья проклята... Ни одна женщина в нашем роду замуж не может выйти.

— Как — проклята? — удивилась Татьяна Марковна. — Что за глупые суеверия!

— Не глупые и не суеверия... Прабабушка моя увела возлюбленного у ведьмы, а та сказала, что больше никто в нашей семье не сможет удержать мужчину возле себя дольше, чем на одну луну. И сбылось. У прабабки было три дочери, у бабушки моей — пять, у мамы нас двое. И никто, никто замуж так и не вышел...

Мы с Ленкой переглянулись. Вот это история!

Видали мы странное, слышали от коллег самые дикие байки, но такую — в первый раз! Вернемся — расскажем, все дорогие коллеги с ума сойдут!

За разговорами мы доели поданный нам рассольник, и нам принесли котлеты с макаронами и тремя скромными скибочками огурца. Всем одно и то же.

Я задумчиво поковыряла котлету и сморщила нос.

За цену этого круиза в турецкой «пятерке» у меня на выбор было бы семь видов мяса и три рыбы.

— Не волнуйся, — похлопала меня Татьяна Марковна по руке. — Нам вечером дадут возможность выбрать меню на завтра. Два или три варианта блюд. Найдется что-нибудь и на твой вкус.

— Три варианта?..

— Вы не первый раз в круизе? — перебила меня любопытная Ленка.

— Не первый, — чинно кивнула Татьяна Марковна, отрезая аккуратные кусочки от котлеты столовым ножом. — Но вот в таком тематическом раньше не была. Даже интересно!

— Значит, будем держаться вас! А вы нам на правах старожила все секреты расскажете!

Вежливая улыбка Татьяны Марковны была на несколько градусов холоднее ее предыдущего выражения лица. Я хмыкнула и еще раз поковыряла котлету. Что ж... Это будет забавно.

— Кстати, а где наш шкафчик? — начала вертеть головой Ленка. — Он должен быть в нашем ресторане, поближе к каюте.

— Он же из люкса, — спустила ее с небес на землю я. — Наверняка он ест отдельно. В компании капитана и боцмана.

— Ничего подобного! — запротестовала Татьяна Марковна. — В отличие от буржуйских круизов у нас все демократично. Единственное отличие обитателей люксов — это сами люксы.

— Обалдеть... — Ленка откинулась на стуле. — Заплатить лям за десять квадратных метров и балкон. Даже капитана потрогать не дадут. А ты еще на цену дабла жаловалась.

— Жаль, что нельзя никак пообедать с капитаном... — мечтательно взмахнула ресницами Полина.

— Ты его еще не видела! — обломала ее Ленка. — Может там жирный и лысый скуфьяра. К тому же женатый. И с огромным носом!

Вселенная, всегда отличавшаяся отменным чувством юмора, без сомнения, подслушивала в тот момент у нашего стола...

Это учебная тревога

Пока все нормальные туристы слушали в концертном зале описание экскурсионной программы, мы с Ленкой соскучились и решили облазить теплоход сверху донизу.

Экскурсии — это, конечно, хорошо, но у нас была своя программа и вместо визитов в бункер Сталина и музей ГЭС в нашей бальной книжечке значились куда более таинственные и интересные занятия.

Там же, рядом с концертным залом была целая открытая палуба для загорающих с шезлонгами и душем, но почему-то без бара. Избалованные забугорными курортами, мы остались недовольны сервисом.

Бар был палубой ниже, и выбор напитков там был не так уж и плох, но там не разрешалось курить и приносить свою еду.

На противоположном конце той же палубы мы обнаружили «музыкальный салон» с белым роялем и вычурными диванчиками.

— У нас будет культурная программа! — обрадовалась Ленка. — Всю жизнь мечтала слушать классику и смотреть на речные закаты.

— Какая ты интеллигентная, — заметила я рассеянно, нацелившись на шкаф в салоне, где видны были стопки настольных игр. «Уно», «Мафия», «Колонизаторы» — это ладно. Но там были «Зов Ктулху», «Зельеварение» и «Эволюция» — что меня заинтересовало куда больше!

— Ты ведь тоже взяла с собой три вечерних платья, — отозвалась Ленка. — Ты же их не на «Мафию» надевать будешь?

— Ой, все! — фыркнула я.

Также на теплоходе были обнаружены библиотека, два ресторана, спа-салон, небольшой спортзал, сувенирный киоск и даже детская комната, которой предстояло скучать в этом круизе — детей в этот раз не было.

Нас не пустили только на мостик к капитану, сообщив, что там открытая палуба без перил и мы непременно вывалимся в реку. И на самые нижние палубы, где от внимания пассажиров скрывались те самые широкоплечие матросы.

Впрочем, у нас очень быстро появился шанс полюбоваться и на матросов.

Внезапно корабельное радио жутко завывало и серьезным голосом заявило:

— Говорит капитан! На судне объявлена учебная тревога! Просим всех пройти в каюты, достать спасательные жилеты и выйти в коридор! Члены команды проверят правильность использования спасательных средств, объяснят, что делать в случае катастрофы и при желании сфотографируют вас на память!

— Ой, я забыла! — Ленка орала мне в лицо, затыкая уши. — Побежали скорее!

— Беги, — махнула я рукой. — У меня нет желания в этом участвовать.

Мимо нас по трапу сбежали девчонки с тренинга, возбужденно повизгивая.

С нижней палубы, напротив, начали подниматься парни в тельняшках и уже надетых оранжевых жилетах.

— Внимание! Говорит капитан... — сквозь вой сирены пошло по второму кругу радио.

— Ну пошли-и-и-и... — заканючила Ленка. — Сфоткаемся!

— Делать мне больше нечего, — фыркнула я.

— Ну и черт с тобой, утонешь — домой не приходи!

И Ленка поскакала по лестнице на нашу палубу.

Я уже заранее посмотрела на эти пенопластовые жилеты, оценила качество спасательных шлюпок и пришла к выводу, что в случае кораблекрушения украду лучше деревянный спасательный круг, прибитый к борту и возьму свое спасение в свои руки.

Тем более, что мы сейчас шли по каналу имени Москвы, где до ближайшего берега легко доплыла бы и некрупная кошка.

Но меня напрягало, что судя по серьезному отношению к учебной тревоге, меня могли выловить где-нибудь на палубе и заставить участвовать в этом цирке принудительно. Поэтому я потихоньку принялась отползать ближе к корме корабля, куда вели довольно узкие проходы вдоль как раз тех самых ненадежных шлюпок.

Это оказалась курилка — судя по высоким урнам с пепельницами, стульям и единственной на весь теплоход табличке, на которой сигарета не была перечеркнута.

Курить я не курила, но там было пусто, и я решила пересидеть тревогу, любуясь на убегающую вдаль волну от двигателя корабля.

Только передвинувшись поудобнее, чтобы сфотографировать летящих за теплоходом чайек, я чуть не поймала сердечный приступ — все-таки я была на корме не одна. Понятия не имею, как я умудрилась не заметить стоящего у перил «шкафчика» с длинной темной сигариллой в пальцах, но я так громко сказала «Ой!», что он обернулся.

И смерил меня внимательным взглядом с головы до ног и обратно.

Медленно и тщательно ощупал глазами, но не так, как обычно смотрят заинтересованные мужчины. Скорее как опытные охранники в международных аэропортах.

Подмечая все детали и делая далеко идущие выводы.

Мне стало одновременно неловко и как-то не по себе, и я поспешно перешла к другому борту, делая вид, что меня страшно заинтересовал полуразвалившийся причал на ближайшем к нам берегу и его срочно надо сфотографировать.

Кроме причала там еще мелькнул костерок, чьи-то палатки, за ними — страшно фотогеничная ива, купающая ветви в реке — в общем, я почти по-настоящему увлеклась.

А тем временем стихла сирена, капитан объявил отбой учебной тревоги и можно было возвращаться к людям. Видимо, то же самое подумал и «шкафчик», потому что он направился к трапу мимо меня. Я усиленно делала вид, что все еще люблюсь проплывающими мимо видами, но он двигался так тихо, что подняла глаза я кошмарно не вовремя.

Столкнувшись с ним взглядом на расстоянии метра.

Я так растерялась, что даже не сообразила отвернуться.

Три невероятно долгих секунды «шкафчик» из люкса смотрел на меня в упор, а потом молча прошел мимо, оставив прикипевшей насмерть к палубе от полыхнувшего внутри смущения.

Ночь, что за странная свобода...

К ужину Татьяна Марковна вышла при полном параде. Если раньше мы восхищались ее шляпой, то сейчас просто онемели, увидев черное платье с декольте и роскошный гарнитур с гранатами. Ожерелье, тяжелые серьги почти до плеч, браслет и даже кольцо.

Мы с Ленкой переглянулись, потому что как бегали с носа на корму, наблюдая, как теплоход проходит шлюзы, так и пришли ужинать — в футболках и шортах.

Надо было хотя бы причесаться, что ли...

Полина тоже смотрела на нее во все глаза — впрочем, она была в легком летнем платье, которое шло ей больше, чем пошел бы любой вечерний наряд.

— Какая красота! — восхитилась она, разглядывая плетение браслета. — У вас отличный вкус!

— Ох, это не у меня, — царственно и скромно кивнула Татьяна Марковна. — Это мне подарил любовник, когда мне было тридцать лет. Отдыхала я, помнится, в санатории в Гаграх, и там был такой серьезный импозантный мужчина... Не помню уже, как звали. Жаль, что оказался женат.

— Ой... — смутилась Полина.

— Ну ничего, — похлопала ее по руке Татьяна Марковна. — Я не в обиде. За такую неприятность он мне и преподнес этот гранатовый комплект.

Ленка пнула меня под столом по голени.

А я что?

— Субтитры с лица убери, — прошипела она, пока наш официант расставлял тарелки.

— Если таких любовников иметь, можно и замуж не ходить! — не выдержала я.

— Я тоже так считала, — согласилась со мной Татьяна Марковна. — Но с годами все сложнее найти годного мужчину, поумирили уже все...

И она изящными движениями принялась разделявать треску под сырной шапочкой, не обращая внимания на субтитры, которые читались уже у всех, включая Полину.

— Вот учись, Полина, — решила добить ситуацию Ленка. — Не веришь ты в себя, а Татьяна Марковна жизнь прожила, она знает, как правильно.

— Еще не прожила, — между делом заметила та.

Полина же отвернулась и отодвинула от себя тарелку, а потом и вовсе попрощалась.

— Ну ты и язва... — не забыла я пнуть Ленку, когда мы шли в нашу каюту переодеваться на дискотеку. — Девочка нежная и трепетная. Язычок придержи.

— Она знала, на что шла, когда прибилась к толпе разведенки и профессиональных любовниц, — фыркнула она.

— А ты у нас кто?

— Профессиональная старая дева.

Ленке было тридцать пять — столько же, сколько и мне, только замужем она не была и детей завести не удосужилась, поэтому для нее часики тикали куда громче, чем для остальных.

— Не хочу на дискотеку! — заявила я, добравшись до каюты и рухнув на койку.

Ленка подняла с пола расписание на завтра, которое нам принесли во время ужина и внимательно изучала, чем мы будем заниматься дальше.

— Подъем в семь утра! — с ужасом прочитала она. — У меня вообще-то отпуск! Я даже на работу так рано не встаю!

— Зато на самолет встаешь, — заметила я. — Считай, что это часть аттракциона «ретро-отдых». Зарядки там нет?

— Есть!

— Ужас какой...

— Называется «Бодрость для ранних пташек».

— А дискотека как называется?

— «Танцуй, турист!»

— Боже мой, какой тут беспощадный нейминг! — восхитилась я, забирая у нее расписание.

Судя по нему, к первой нашей стоянке — Угличу, прибывали мы сразу после завтрака.

То есть, придется реально просыпаться в кошмарную рань, чтобы не остаться голодной.

— Все, вставай, — Ленка уже красила ресницы и губы у зеркала в туалете. — Мы туристы, мы должны танцевать. Неужели тебе не любопытно, какая там будет музыка? «Малиновый звон»? «Каскадеры, каскадеры»? «На недельку до второго»?

— Да не может быть!

Она была почти права.

Почти. Будь я на десяток лет постарше, я бы, может, даже и всплакнула, услышав еще с палубы «Он уехал прочь на ночной электричке». А следом — «Тополиный пух, жара, июль!»

Но на мою безумную юность пришлось немножко другие хиты. Я бы предпочла что-нибудь вроде Prodigy или на крайний случай — Тату.

Впрочем, девчонкам с нашего тренинга зашел и Губин с его «Лизой» и «Ночью» — они уже бесились на солнечной палубе так, словно их последняя школьная дискотека плавна перешла в первую разводную. И орали от души — никакого караоке не надо.

Мы с Ленкой переглянулись и отползли к перилам, где стояла Серафима с бокалом вина и серьезного вида женщина в бело-голубой униформе с бейджиком, на котором было написано «Директор круиза».

— У вас девчонки веселые, — сказала она Серафиме. — У нас обычный контингент так лихо не отплясывает. Попросят что-нибудь посерьезнее.

— Мы такие... — довольно заметила Серафима. — Неужели на всех теплоходах такой плейлист? Поновее ничего нет?

— А как же, есть. На теплоходах класса Премиум и Люкс обычно играет современная музыка, но там и пассажиры другие.

— Серьезно? — подняла бровь Серафима. — Почему так?

— Цены. И сроки. Там круизы по недельке, не больше. Трехнедельные круизы себе позволить могут только пенсионеры. А чем дороже, тем больше молодняка и современнее развлечения.

— Скорее бы на пенсию! — мечтательно проговорила Ленка, которая тоже подслушивала, не скрываясь.

— Да у нас и так отпуск хороший, — заметила я. — Если б ты медсестрой в обычной поликлинике работала, кто б тебя на восемнадцать дней отпустил поплавать?

Серафима повернулась к нам, собираясь что-то сказать, но в этот момент на солнечной палубе появился уже знакомый нам всем обитатель люкса, навеки теперь нареченный «шкафчиком».

По мере того, как его замечали танцующие девчонки, они замирали одна за другой и поворачивали вслед головы, как подсолнухи за солнцем. Мне показалось, что даже музыка стала тише, пока он следовал к двери, ведущей в каюты.

Кстати, как-то жестоко устраивать люксы по соседству с дискотекой. Фиг заснешь же.

— Насчет молодняка... — начала Серафима, тоже провожая взглядом «шкафчик». — У нас тут на круизах одинокие мужчины настолько нечасто встречаются?

— Увы... — директор круиза развела руками. — Самый редкий вид.

— Как же девушкам развлекаться?

— У нас интересная культурная программа! — в голосе директора прорезались профессиональные нотки. — Есть лекции по истории мест, мимо которых проходит теплоход, просмотр документальных кинофильмов и музыкальные вечера!

— Ага... — рассеянно кивнула Серафима. — А вот у вас матросики молодые, я видела. Им лет по двадцать же, да?

— Это стажеры. В развлечениях пассажиров они обычно не участвуют.

— Понятно... — Серафима отвернулась от двери, за которой скрылась широкая спина «шкафчика» и уточнила. — А живут где? На нижней палубе?

— Да, но туда пассажирам не...

— О!

Наша коуч уже не стала дослушивать. Одним долгим глотком допив свой бокал вина, она танцующей походкой направилась к трапу.

Склизкие яйца

Мои шуточки насчет аттракциона в виде ранней побудки аукнулись мне по полной программе.

Сначала я не поняла, почему мне на ухо щебечут птички. И откуда они взялись посреди реки. А потом тоже не поняла, за что... нет не так — ЗА ЧТО?! — мне на ухо орут омерзительно бодрым голосом: «Проснись и пой, проснись и пой!»

Раньше я про эту песню слышала только анекдоты и шутки.

Сегодня я прослушала ее целиком.

— Твою маа-а-а-а-а-ать! — выразила наше общее мнение Ленка.

Она даже зачем-то швырнула подушкой куда-то в пространство, но радио таким образом заткнуть было невозможно.

— Кудрявая, что ж ты не рада веселому пенью гудка? — мрачно спросила я ее, вылезая из койки.

То, что она сказала в ответ, цитировать можно только в передачах для прорабов и сапожников. Все-таки работа в юности медсестрой в психиатрическом стационаре отразилась на ее культурном уровне не лучшим образом.

Но музыка на этом не кончилась!

Следом играли не менее бодрые композиции, а под конец нас поздравили с новым днем!

И обрадовали, что завтрак будет через полчаса.

А уже через час мы прибудем в славный город Углич, поэтому — поторопитесь.

Умойтесь, сходите на зарядку, выпейте кофе и не забудьте собраться на экскурсию.

И все это — за какой-то час.

Поколения предков, для которых такое расписание было нормой, кажется были покрепче нас.

Завтрак оказался на удивление приличным — нам предложили шведский стол, на котором был неплохой выбор каш, овощей, яиц во всех видах. А еще угощали блинчиками, котлетами, творожной запеканкой и уж, конечно, не обошлось без нескольких видов хлопьев.

Я даже почти простила этому круизу, что выбирать вчера обед и ужин мне пришлось всего из трех вариантов блюд. Котлеты с гречкой, пельмени и овощная запеканка. Что делать, если ничего из этого не ешь?

Такой опции не предусмотрено.

После завтрака я сбежала на нос теплохода и набрала номер Алиски.

— Мама! — взвизгнули мне в трубку. — Бабушка заставляет меня есть склизкие яйца!

— Что за склизкие яйца? — удивилась я.

Неужто моя матушка решила накормить внучку какой-нибудь китайской экзотикой?

— Ну они такие... как инопланетяне в слизи, фу! Мерзкие!

— Это не инопланетяне, это яйца пашот! — послышался возмущенный голос на заднем плане.

Я закатила глаза.

Интересно, бывают ли бабушки, которые слушают матерей в вопросах воспитания внуков?

Я специально просила не выпендриваться и кормить Алиску обычной овсянкой с ягодами, которую дочь обожает и может есть в любом настроении.

Но кое-кто, проживший жизнь и знающий как лучше, хочет непременно приучить ее к изысканным блюдам.

Стоит только моей маме появиться у нас дома, как на кухне поселяются котлеты де воляй, спаржа на гриле, булгур с угольной рыбой и прочая красота. Вместо обычной каши, картошки

и тушеного мяса, которые готовлю я. Не люблю выпендриваться со сложной едой — и дочь растет в меня.

— Можешь достать овсянку в пакетиках с верхней полки и залить кипятком, — сказала я. — Бабушке скажи, что я разрешила.

— Спасибо, мам! Я пошла!

Вот и пообщались.

По Алиске я скучала всегда и везде — с первого дня отсутствия. И никогда в жизни не оставила бы ее на бабушку, если бы наши чувства были взаимны. Но когда я предложила дочери отправиться с нами в круиз, она скривила мордочку и сказала, что хочет сидеть дома и гулять в нашем парке, а ни в какой Саратов или куда там еще — не хочет.

Вся в отца. Его тоже было фиг вытащишь из дома.

— Наш теплоход прибывает в город Углич, один из древнейших городов нашей страны! — торжественно объявило радио одновременно с глухим ударом борта о причал. — Следует особо отметить, что известность этот город получил не только своей многовековой историей, но и тем трагическим событием, которое здесь произошло. Именно в Угличе в 1591 году в результате боярского заговора был коварно убит малолетний царевич Дмитрий, сын и наследник царя Ивана Грозного.

— Светлые страницы истории... — прокомментировала Ленка, наводившая марафет у зеркала.

— На берегу уже формируются три экскурсионные группы. Просим вас ориентироваться по табличкам с названием теплохода и номерами групп. Две группы направляются в Угличский Кремль и храм Димитрия на Крови, одна группа — в музей ГЭС. Просим не опаздывать к отправлению и проявить организованность. Также не забудьте сдать ключи от кают и получить ресиверы на ресепшене перед выходом на берег!

Я отдернула занавески и опустила окно, чтобы посмотреть, как выглядит этот самый знаменитый древний город.

Он был, конечно, хорош.

Зеркальная река огибала зеленые холмы, на высокий берег карабкались лесенки, тут и там виднелись купола церквей.

Я вообще мало путешествовала по России, предпочитая откисать у бассейна в турецких отелях. Но вот пришло время узнать собственную страну за пределами Москвы и Питера.

Пока все шло неплохо, и я надеялась, что другие города меня тоже не разочаруют.

— Девочки! Девочки! Собираемся на берегу! Тренинг-интенсив! У нас своя программа! — по причалу уже металась Серафима в темных очках, слегка помятая, но неизменно бодрая, и отлавливала в толпе выходящих с теплохода пассажиров свою паству. — Девочки! Вас на берегу ждет Гордей с красным зонтиком в руках! Подходим к Гордею! У нас сегодня первый пункт ритуальной программы на замужество!

Мы с Ленкой переглянулись.

Что еще за Гордей?

Любопытство оказалось более эффективным способом собрать нас всех вместе, чем призывы проявить организованность, и мы поспешили наружу.

На набережной, ловко лавируя среди толп туристов и подняв открытый красный зонтик, словно какая-то странноватая Мэри Поппинс, прогуливался крепкий мужчина с бородкой в голубой рубашке и кожаных мокасинах.

Лет ему было примерно как нам и, казалось бы, было самое время сделать стойку на такого красавца в отсутствие других конкурентов, не считая нелюдимого «шкафчика».

Но у меня Гордей с первого же взгляда вызвал необъяснимую неприязнь.

Вроде и симпатичный мужик, и одет прилично и даже пах каким-то модным парфюмом, но ощущение от него было, как у Алиски от яиц-пашот.

Склизкий.

Я даже повернулась, чтобы поделиться мнением с Ленкой.

Но-о-о-о-о...

Подруга моя оказалась совсем иного мнения.

Она шла к Гордею, томно покачивая бедрами, с мечтательной полуулыбкой.

— Мы пришли, — мурлыкнула она, склоняя голову набок. — Это вы Гордей? А меня Елена зовут...

Гордей опустил зонтик, развернулся и тщательно просканировал Ленку таким по-мужски оценивающим взглядом. Умеют некоторые мужики так смотреть, что чувствуешь себя мясом на рынке.

Но уже через секунду он растянул губы в белозубой улыбке и, прижав руку к груди, неглубоко поклонился:

— Елена! — мурлыкнул он фальшивым бархатом. — Какое прекрасное имя! Вы знали, что мать Ивана Грозного тоже звали Еленой? Великолепное, сильное имя для царицы!

Фу, ну и мерзость.

Сундук с приданым

— Раз, два, три, четыре, пять... — Серафима появилась неожиданно и быстро сосчитала нас. — Все на месте! Пожалуйста, не отставайте. Город очень интересный, в том числе энергетически, и может захотеться свернуть, чтобы сфотографировать цветочки или купить сувениры. Давайте сделаем это на обратном пути!

Я по привычке хотела отстать от нее, чтобы идти последней, но Ленку как магнитом тянуло к Гордею, а значит, и к Серафиме. Поэтому приходилось слушать все, что она рассказывала по дороге к нашему первому месту ритуала.

— Углич — город двойственный и необычный. Здесь был убит царевич Дмитрий, вы это знаете. Именно за него потом долгое время выдавали себя претенденты на престол. Здесь, считайте, закончилась династия Рюриковичей. И началась — Романовых, именно отсюда призывали царствовать первого из них, Михаила. Смерть и возрождение в одном маленьком городе. Именно поэтому я выбрала его первым пунктом нашей программы.

Это была не совсем правда. Просто Углич был первым по маршруту к Саратову и практически все круизы заходили в него первым делом.

— Гордей... Вас ведь Гордей зовут, я не ослышалась? — пристала Ленка к своему крашу. — Вы с нами будете на всем маршруте, да?

— Конечно. Буду помогать вам проходить трансформацию ваших желаний и воплощать их в реальность, — кивнул тот, облизывая Ленку взглядом.

Ее легкое шифоновое платье выше колена с открытыми плечами в этом ему изрядно помогало.

— А вы сами проходили ритуалы? Помогает? — ненавязчиво продолжила она допрос.

Я в принципе уже тоже посмотрела на его правую руку, кольца не обнаружила, но это же ничего не значит...

— Нет, я в вопросах личной жизни надеюсь на судьбу, — усмехнулся Гордей. — И вам бы пожелал того же, но леди-босс меня за это проклянет.

Он кивнул на Серафиму, которая вела нас вдоль Волги и попутно очень увлеченно что-то рассказывала про Углич.

— Ритуал в Угличе — один из самых новых! Всего несколько лет назад установили скульптуру «Свадьба с приданым», изображающую сваху и сундук с добром. Это значит, что духовная сила этого места еще свежая, сильная, и она непременно поможет!

Я просто восхитилась ее фантазии. Одно дело верить в какой-нибудь древний камень, на котором девки пять тысяч лет подряд просили о женихах и все сбывалось. Намоленное место, надежное!

Другое — так отрекламировать новодел, чтобы очередь к нему выстроилась раньше, чем мы до него добрались. А так и случилось — на горизонте еще только показалась фигура свахи, точь в точь похожей на героиню фильма «Женитьба Бальзамина», а девушки из группы уже резко ускорились и обогнали даже Серафиму.

— Погоди, погодите! — крикнула она им вслед. — Я расскажу, что надо делать!

Подхватила подол платья и побежала к скульптуре.

Остались в хвосте только мы с Ленкой и Гордеем да Татьяна Марковна, которая считала ниже своего достоинства бегать за всякими свахами.

— Женщины, которые хотят настоящую семью, но при этом обладают редким даром терпения, в наше время настоящее сокровище, — медовым голосом проговорил Гордей.

Вроде бы всем нам, но смотрел он при этом на Ленку.

У той вспыхнули глаза, и она кокетливо захихикала.

Я ускорила шаг.

— Девушка, желающая замуж, садится на сундук с приданым, — тем временем рассказывала Серафима технологию ритуала окружившим ее участницам тренинга. — Потом дотягивается до руки свахи, сжимает ее и произносит вслух свое желание. Хотите — мужа богатого, хотите — красивого, хотите — доброго. Хотите — загадайте в этом году выйти замуж.

— А можно все сразу? — тут же спросили из толпы.

— Все можно! — щедро разрешила Серафима. — Когда все пройдут ритуал, расскажу еще один секрет.

Не все решались высказать свои желания вслух, но большинство выкрикивали: «Хочу мужа хорошего, здорового, непьющего, чтобы цветы дарил и хотел детей!»

Толпой полегче такими вещами заниматься. Я бы одна ни за что не решилась показать всем прохожим, насколько я отчаялась.

Полина присела буквально на краешек сундука, мазнула пальцами по руке свахи и тут же вскочила, будто испугавшись. А она точно замуж хочет?

Татьяна Марковна на сундуке посидеть не торопилась, зато обстоятельно подошла к вопросу фотографий. Обняла сваху за плечи, прижалась щекой к бронзовой щеке и требовала, чтобы ее снимали с разных ракурсов.

Ленка наконец дорвалась до сундука в числе последних, ухватила за руку свахи и три раза прокричала:

— Хочу замуж, замуж хочу!

Следующая по очереди девушка уже готовилась занять ее место, но Ленка категорически отказывалась встать.

— Мне тут понравилось. Хорошее место, сильное! — заявила она, перехватывая руку свахи поудобнее и всем видом показывая, что не намерена двигаться с места.

Оставшиеся участницы беспомощно оглядывались на Серафиму, но та не спешила им помогать. Хлопнула в ладоши и объявила:

— Желающие могут пройти в храм Дмитрия-на-крови и поставить там свечку!

— Поможет? — тут же прилетел вопрос.

— Не помешает.

Отстрелявшиеся на ритуале всей толпой отправились ставить свечку, оставив неудачниц терпеливо дожидаться, пока Ленка насидится на сундуке с приданым.

— Так надежнее! — заявила она.

— Может быть, прогуляемся вдоль реки? Я знаю место, где продают отличный кофе, угощаю, — спас наконец положение Гордей.

Ленка тут же соскочила с сундука и упорхнула следом за ним.

Я присела на сундук последней, когда остальные уже скрылись из виду.

Дотянулась до бронзовой руки свахи, подержалась...

Почему я чувствую себя такой дурой?

Даже если бы я верила в ритуалы и приметы, какая сила может быть в скульптуре, которую наспех соорудили ради туристов? Откуда ей там взяться?

Но я не просто поехала в этот круиз, я еще и сижу тут и оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не услышит, как я загадываю того самого — в кабриолете, боксерах и чтобы играл со мной в «Мортал Комбат».

Я настолько отчаялась?

Колечко в огне

К отплытию из Углича все дисциплинированно собрались на теплоходе, никого пока не забыли. Обычный контингент круизов отправился на обед, а вот подопечные Серафимы в полном составе торчали на палубе и, перевесившись через борт, наблюдали, как молодые и красивые матросики таскали тяжелые канаты, сбрасывали их с кнехтов.

Когда один из них, самый высокий и длинноногий чуть-чуть опоздал к отшвартовке и перепрыгивал с причала на борт, ему устроили бурные овации, а кто-то даже бросил венок из одуванчиков.

Тот ловко его поймал, напялил на голову и подмигнул. За что тут же получил звездюлей от капитана по рации.

После обеда Серафима с девочками устроилась на корме у бара с разноцветными коктейлями. Я как раз пыталась найти, куда успела усвистеть Ленка и наткнулась на них случайно.

— Девочки, гадаем так! Берем бокал, сверху кладем листочек бумаги, на него колечко. Поджигаем листочек. Если колечко утонуло — в этом году идти вам замуж. А если нет — закажите еще бокальчик!

Стопка клейких листочков разлетелась в одно мгновение, кольца передавали по рукам, единственная зажигалка не успевала погаснуть. Все шло отлично, пока у одной жизнерадостной блондинке в венке из травок и с тремя стопками из-под текилы на столе, кольцо таки не свалилось в коктейль.

Очень крепкий коктейль, который мгновенно вспыхнул синим алкогольным пламенем.

— Нарушение правил пожарной безопасности! — рявкнул бармен, подскакивая к столу с огнетушителем. Пожар уже был потушен самым простым способом — ладошкой на бокал.

Но Серафиму строго отчитали за плохое поведение и даже отобрали зажигалку.

— Так, девочки, с огнем не вышло, давайте с водой! — не стала она унывать. — У кого-нибудь есть нитка?

На этот раз колечко подвешивали на нитке над стаканом, опускали в воду — ну или во что придется! — и поднимали, наблюдая за поведением.

— О! Сашенька, у тебя качается! Это значит — секса будет много, а вот с покупкой платья пока подожди! — расшифровывала она результаты. — У кого там кольцо о стенки стучится? Читайте, сколько раз!

— Это сколько мне жить осталось?

— Да! Жить одинокой и свободной жизнью! Четыре! Через четыре года выйдешь замуж, а пока отрывайся. Веночек-то ты бросила с борта?

— Ну я...

— После дискотеки найди меня, вместе пойдем искать твоего суженого на нижней палубе!

Я на всякий случай гадание запомнила, но пошла дальше искать Ленку. Вот куда она могла деться с подводной лодки?

Оказалось — торчала на носу корабля, где дул какой-то сумасшедший ветер, от которого ее кутал в плед переодевшийся в теплый свитер Гордей.

— Ты не похожа на тех, кто едет в этот круиз обычно. Они просто развлекаются. У тебя внутри что-то другое, трепетное. Совершенно иная энергетика! — лил он ей в уши.

Я постояла немножко у них за спиной, вздохнула и пошла в музыкальный салон.

Ну... В конце концов, у всех разные вкусы.

В салоне оказалось неожиданно тихо и пусто. Шумный ветер сюда не проникал, пассажиры предпочитали иные развлечения. Кто-то забыл на рояле любовный роман в ярко-розовой обложке. Я пролистнула его, морщась от клишированных фраз.

Открыла крышку рояля.

В первом классе мама отдала меня в музыкальную школу, и я проучилась там целый год, пока не надоело играть одну и ту же «Болельщик куклы». К моему разочарованию, в большие красивые залы, где все в смокингах, с таким репертуаром не брали.

Сейчас я, конечно, не могла сыграть даже и эту нехитрую пьесу.

И даже гамма мне не далась — как я умудрялась выворачивать так пальцы?

Так что вспомнила лишь мелодию из «Шербурских зонтиков», которую выучила когда-то сама и сыграла ее одной рукой. Все-таки самообразование — сила!

Шорох за спиной заставил меня вздрогнуть. Я захлопнула крышку рояля быстрее, чем сообразила, что не делаю ничего запретного — ни поджигаю тут ничего ради замужества, ни топлю.

С бьющимся сердцем я оглянулась и увидела нашего знакомого «шкафчика».

Он задумчиво щурился на солнце, заливающее музыкальный салон через панорамные окна и как будто всматривался в речную даль, что-то ища взглядом.

— Здравствуйте... — пробормотала я, не придумав ничего умнее.

Он обернулся и посмотрел на меня. Молча.

Может, он немой? Или почему он так на меня реагирует, как будто я делаю что-то странное? Мог бы тоже поздороваться в ответ!

— Извините... — снова пробормотала я и быстро вышла из салона, случайно хлопнув дверью.

Да что ж такое-то...

Было б кого смущаться.

Ленка явилась только к ужину.

Я бы подколола ее, невзирая на аудиторию, но наше внимание вновь перетянула великолепная Татьяна Марковна, явившаяся в тяжелом ожерелье из огромных несимметричных аметистов, оправленных в темное серебро и длинных серьгах, касавшихся ее плечей. На этот раз обошлось без браслетов, но мы и так были впечатлены.

— Ах, это... Да, не самая обычная работа, — она была явно довольна нашей реакцией, но делала вид, что это все пустяк. — Был у меня один знакомый мужчина, с которым я случайно встретила во время командировки в Свердловск. Он там держал подпольный ювелирный цех и сам иногда делал украшения. Это его творение.

— Обалдеть... — Ленка разглядывала ожерелье с горящими глазами. — А можно ему заказать что-то такое же? Я бы хотела из розового кварца, как раз для замужества хорошо.

— К сожалению, он трагически погиб еще в девяностых, — развела руками Татьяна Марковна. — Опасная профессия, сами понимаете... А из розового кварца у меня есть великолепный набор, обязательно покажусь вам в нем!

Надо полагать, «знакомый мужчина» тоже подразумевал под собой любовника.

И снова наша соседка по столу умудрилась нас поразить в самое сердечко.

Гранат, аметист, розовый кварц... Мне кажется, я как-то неправильно прожила жизнь.

Замуж вышла, дочь родила — но в этом ли счастье?

После ужина Ленка усвистела куда-то так быстро, что я даже не успела ее поймать.

Возмущаться тому, как рано придется завтра вставать на экскурсию в Рыбинске, скучать на дискотеке и гулять по палубе, дыша вечерним речным воздухом мне пришлось в одиночку.

Музыка с дискотеки разносилась далеко по глади реки, и найти место, где в мозг не ввинчивались бы мелодии и ритмы восьмидесятых вперемешку с ранними девяностыми, было нелегко.

И снова это оказалась курилка, пустынная по случаю позднего часа.

Все, кто мог еще радоваться танцам — танцевали. Остальные смотрели телевизоры в каютах, я позаглядывала в окошки, пока пробиралась сюда.

Ну и зря — можно было бы и отдохнуть от плохих новостей хотя бы в круизе.

Но десятки человек лежали в койках, освещенные голубоватым светом экранов и вникали...

На корме было шумно от работы двигателей и висел в воздухе легкий сигаретный дымок с оттенком вишни. На этот раз «шкафчика» я заметила первой. А вот он несколько секунд, не видя меня, что-то бормотал — да только ветер относил его слова куда-то в сторону.

Потом обернулся — и вздрогнул. Совсем как я днем.

В руках у него был какой-то округлый предмет, похожий на вазу.

Настя

Можно было бы развернуться и уйти, но как-то глупо. Я же хотела побыть вдали от дискотечного унц-унц-унц. И что теперь — сбегать только потому, что тут шарится посторонний мужик?

Тем временем посторонний мужик тоже явно решал ту же задачу.

Уйти или остаться?

Его задача решилась проще — шелкнув зажигалкой, он закурил тонкую сигариллу. Сладковатый крепкий дымок смешался с запахом солярки и речным ветром в уникальный круизный коктейль. Я бы такой ароматизатор купила в машину.

Пару минут мы провели в молчании.

Он курил, щурясь на яркий свет луны. Я просто любовалась темными речными берегами и лунной дорожкой на реке.

Спустя пару минут именно «шкафчик» нарушил молчание.

— Вы не курите, — сказал он утвердительно.

— А вы не один, — я кивнула на сосуд в его руках.

Глаза уже привыкли к темноте, и мне стало понятно, что это погребальная урна. Не самый распространенный предмет для выгуливания на палубе по ночам.

— А вы наблюдательны, — хмыкнул он.

— Вопросы неуместны?

Он не ответил. Сделал затяжку, стряхнул пепел в речную воду.

Снова затянулся. Словно размышляя, стоит ли посвящать меня в свою жизнь.

Я уже обругала себя за слишком дерзкий вопрос. Неловкое молчание было бы комфортнее.

Но он ответил:

— Пока да.

Мы опять замолчали. Однако никто не торопился уйти от этого странного разговора. Ну ладно, он курил, а я? А я наслаждалась тишиной.

Впрочем, докурив, мой странный собеседник тоже не ушел.

Я решила, что если бы он был против моего общества, он мог бы сбежать, а так — сам виноват.

— Вы часто ездите в круизы? — решила я завести светскую беседу. — Директор сказала, что мужчины на этом теплоходе нечастые гости, особенно одинокие.

Снова повисла долгая пауза. Это он такой медленный или я опять промахнулась с темой для беседы?

— Сложный вопрос, — наконец отозвался он. — Раньше ездил часто.

И снова короткий ответ без уточнений. Расспрашивать неловко, остается только молчать и додумывать. Когда — раньше? Почему не сейчас? Почему вопрос сложный? Простой вроде...

— Вы с нами до Саратова? — предприняла еще одну попытку.

— И обратно, — опять максимально коротко ответил он. Но на этот раз решил поддержать беседу: — А вы впервые на речном круизе?

Я тихо фыркнула. Видимо, я произвожу хорошее впечатление. С ценами на эти круизы...

— На любом круизе. Да, первый раз.

— Речные и морские круизы очень сильно отличаются, нет смысла ставить их в один ряд. Совсем разные типы путешествий, — назидательно сказал он. — И как, нравится?

Обрадованная тем, что беседа наконец завязалась, я поспешила поделиться:

— Пока не поняла, если честно. Забавно! Но не уверена, что выдержу все три недели в режиме пионерской побудки и столовой по расписанию.

— Это вы еще на концерты не ходили и не мастерили брошки в рукодельной мастерской, — в его голосе прозвучала насмешка.

И сразу стало понятно, что он и вправду не первый раз замужем... в смысле, в круизе. Чтобы не перекрикивать шум моторов, мы подошли поближе друг к другу.

На урну в его руках я старалась не смотреть, чтобы не смущать. Он же оперся на перила и подставил лицо ночному ветру.

— Вы так говорите, что я начинаю пугаться. Неужели брошки хуже подбудки в семь утра?

— А вы сходите, — хмыкнул он почти весело. — И на экскурсию вместе со всеми тоже сходите. Где-нибудь в Костроме или Плесе.

— Нет, в Костроме у нас важный риту... день, — мне даже стало досадно. — Не выйдет. Да и вообще до Саратова все занято. Разве что на обратном пути. Ульяновск сгодится?

— Вполне. — Он развернулся ко мне и впервые посмотрел прямо в лицо. Мне пришлось задрать голову, чтобы встретить его взгляд. — По возрасту вы, похоже, опоздали к сказкам про дедушку Ленина. Вот и догоните заодно.

— А вы успели? — удивленно хмыкнула я. Это он мне такой комплимент сделал? Точно хорошо выгляжу?

— Застал. Меня, кстати, Виктор зовут.

— Настя, — брякнула я, почему-то ожидая, что он сейчас протянет ладонь для рукопожатия.

Но он этого не сделал и получилось неловкое дерганье на месте.

— Красивое имя, — сказал Виктор с толикой уважения, будто это моя заслуга.

— Да вы наверняка это всем девушкам говорите! — хихикнула я, ловя себя на том, что, кажется, начинаю флиртовать.

— Нет, — качнул он головой. — С детства любил имя Настя.

— С какой-нибудь симпатичной Настей на соседних горшках сидели в детсаду?

— Вовсе нет. Просто нравилось имя. Ни одной Насти я тогда не знал, и это меня очень печалило.

— Потом узнали?

Крошечная заминка должна была меня насторожить, но я уже развеселилась и не сообразила.

— Узнал. Так звали жену моего сослуживца.

— Вы были тайно в нее влюблены? — снова хихикнула я.

— Нет.

Ответ был очень быстрым, очень жестким и очень резким.

Как удар плетью по губам.

— Она ему изменила. И он погиб в следующем бою. Я до сих пор думаю, что...

Он осекся.

— Извините, — быстро сказала я. — Соболезную. И с именем неловко вышло.

Мне захотелось оказаться как можно дальше от этого теплохода.

Можно в Угличе. Или в Москве. Лучше всего — на Северном полюсе.

Виктор медленно и шумно вдохнул.

— Это было двадцать лет назад, — сказал он как будто через силу. — Все давно прошло. А имя нравится до сих пор. Это ты меня извини, что испортил настроение.

— Ничего... — пробормотала я.

— Можно чем-нибудь загладить вину? Коктейль?

— Бар уже закрыт.

Он огляделся по сторонам, посмотрел на урну в своих руках, одной ладонью похлопал по карманам и достал из нагрудного длинную пачку.

— Сигарету?

— Я все еще не курю, — проговорила я, стараясь не выдать своим голосом, как меня задела эта ситуация. — Спасибо, извинения принимаются. Спокойной ночи.

И ушла, скользя ладонью по перилам. Нас уже слегка покачивало, а мне не хотелось споткнуться у него на глазах.

В каюте Ленки не оказалось.

Так что я намазалась кремом, заплела свои непослушные волосы в косы, чтобы не разбирать с утра колтуны и легла в койку. Только спать не хотелось.

Если друг погиб двадцать лет назад, вряд ли в урне его прах, правда?

Не будет же он все еще таскать его с собой по круизам.

Тогда — чей?

И это был только один из множества вопросов, которые я могла бы задать Виктору, если бы он не обрывал все ниточки, которые протягивались между нами.

Правда, потом протягивал свои.

Вообще-то, женщинам положено быть загадкой, а не мужчинам!

Пепел прошлого

В Рыбинск мы прибыли после завтрака. Так что я успела и выспаться, и обстебать Ленку, которая пришла отсыпаться, и выпить кофе в баре, и даже выслушать путевую информацию об этом городе.

Город как город, но оказалось, что только я не в курсе, что в нем принято делать вывески на магазинах в дореволюционном стиле. С соответствующей орфографией и дизайном. Никаких вырвиглазных цветов, рекламных слоганов, даже фирменной расцветки. Все чинно, благородно и с ятями.

Вроде бы мелочь — а так меняет настроение!

— Девочки, девочки! — Серафима оббежала нас всех за завтраком, предупреждая о дальнейших планах. — Сразу как прибудем, собираемся на ритуал отпускания прошлого! Всего полчаса, потом можете идти гулять или по музеям!

— Лен, хочешь гулять по музеям? — пнула я подругу, которая тащила чистить зубы после четырех часов сна.

— Всю жизнь мечтала. Какие тут музеи? Ярославской матрешки? Подводного ориентирования?

Подводного — это потому, что Рыбинское водохранилище, на котором и стоял Рыбинск, оказалось просто затопленными деревнями, которые когда-то тут стояли. Этот факт меня так ужаснул, что я его поведала первым делом, когда гулена проснулась.

— Если ты хочешь узнать грязные подробности... — Ленка бросила всего один взгляд на меня, выйдя из туалета. — ...то их нет. Мы всю ночь общались. Гордей — нормальный мужчина. Очень умный, образованный, эмпатичный.

— Духовно просветленный? — фыркнула я.

— Просто нормальный! Настя! Такие бывают!

— Импотент, что ли?

— Ой, иди нафиг.

Она, вероятно, слишком давно уходила в загулы, потому что забыла или не знала, что после тридцати это дается не так уж легко. И четыре часа сна никак не равняются восьми, даже если налепить патчи под глаза.

— Это вы еще не бухали... — хмыкнула я, наблюдая, как Ленка сначала смотрит на косметику, а потом плюет и надевает темные очки.

— Ой, все.

Все тридцать участниц собрались на берегу Волги в белых сарафанах, как было велено, и выглядели как собрание немножко сумасшедшей секты. Которая планирует проводить жуткий ритуал середины лета, как в некоторых фильмах ужасов.

— Веночки пока не плетем, рано! — скомандовала Серафима, бегая и расставляя нас на холмике на берегу Волги так, чтобы получился красивый круг. — Венки будем на Купалу плести, когда будем призывать женихов! А пока избавляемся от старых!

Мне очень хотелось пошутить про то, что венки и женихов надо бросать в воду, но с аудиторией не сложилось. Ленка спала на ходу, Серафима суежилась, а другие соседки по кругу стояли с очень сосредоточенными лицами и шутку бы не оценили.

— Взялись за руки... Вдохнули! — Серафима сама встала в круг и поднялась на цыпочки, заставив и тех, кого держала за руки, поднять их вверх. — Представим, что поток Волги, великой реки, течет через сердце и тело, мягко растворяя напряжение и открывая пространство для нового! Поток любви течет через нас! Вымывает все старое и ненужное! Вдохнули и выдохнули!

Она бы неплохо справилась с проведением зарядки по утрам.

Хотя я пока не осилила проснуться так рано, чтобы сходить на солнечную палубу и посмотреть, что там происходит.

— А теперь берем бумажку, карандаш и пишем имена своих бывших, которые вытрепали вам все нервы!

Гордей, тусовавшийся до этой минуты где-то за пределами видимости, бодро зашагал внутри круга с коробкой, в которой лежали небольшие разноцветные листочки и карандаши.

Мы брали их себе и писали...

Кто-то писал мелким почерком, стараясь уместить на маленьком клочке бумаги как можно больше имен. Кто-то резкими, рвущими бумагу движениями вычертил всего одно имя. У большинства было по два-три имени.

Только Полина стояла растерянно с пустым листиком.

— А... — она подняла руку, как в школе.

— Можешь моих написать, мне места не хватило, — пришла ей на помощь Татьяна Марковна.

Ее листочек был исписан с двух сторон во всех направлениях.

Гордей заметил их замешательство и подскочил, чтобы выдать Татьяне Марковне еще одну бумажку, а Полине что-то шепнуть на ухо, после чего она что-то нацарапала и быстро сложила листок пополам.

Тем временем Гордей выволок в середину круга чугунную подставку, на которую водрузил стальную чашу, в которой я узнала слегка облагороженный казан для плова. Набросал туда сухих веточек и поджег.

— Прошное должно сгореть! Испариться! Исчезнуть вместе с уходящим в небеса дымом! — Возопила Серафима слегка экзальтированно. — Кидаем свое прошлое в огонь, девочки, и говорим — отправляю тебя, Анатолий, в огонь, в воду, в воздух, в землю! Ты больше не будешь мне мешать!

— Обязательно сказать «Анатолий»? — спросил кто-то из круга, пока все остальные, толкаясь, торопились сжечь свои бумажки.

Серафима тяжело вздохнула. И не ответила.

Может быть, она хотела, чтобы с неизвестным Анатолием попрощалась не только она.

Я предсказуемо написала на листочке имя бывшего мужа и без всякого душевного волнения бросила его имя в огонь. Он уже давно был для меня чужим человеком и никаких эмоций не вызывал. Выпал как молочный зуб — ну и черт с ним.

— Прощай, Андрей, — пробормотала, уже разжав пальцы.

Удивительно, как много чувств он вызывал когда-то, и как мало — сейчас.

— А теперь сняли обувь и босыми ножками встали на травку! Гордей пока растворит пепел ваших былых надежд в реке, и с этого дня прошлое оставит вас!

Я заметила, что с казаном Гордею бросилась помогать Ленка.

Подхватила подставку, что-то ему озабоченно сказала, когда пепел не пожелал высыпаться в воду, даже выгребла его руками.

Все, начался период ухода за собой...

Отвернувшись от этой, достойной жалости, сцены, я вдруг заметила, что недалеко от нас, на кромке берега, стоит Виктор. И внимательно наблюдает за женской вакханалией.

Там, в кругу, уже начались безумные танцы.

Девушки подпрыгивали, кружились, водили хороводы и даже затеяли игру в «ручеек».

Наверное, им и правда стало легче.

А мне неловко, будто он без спроса подсмотрел за чем-то интимным.

Совершенно забыв подумать о приличиях, я решительно направилась к нему.

Зря

Виктор сразу заметил меня — едва уловимо изменил позу, словно принял боевую стойку. И встретил мой взгляд своим — тяжелым.

— Ну и что ты тут делаешь? — сразу агрессивно начала я.

— Смотрю.

Ответ был ровным, но напряжение я все равно почувствовала.

Напряжение и щекочущее внимание, словно он прощупывал меня взглядом, находя уязвимые точки.

— Подглядываешь, значит? — фыркнула я.

— Смотрю, — повторил он тем же тоном.

— На что?! На то, как взрослые женщины водят хоробы и участвуют в ритуалах?

— Да.

— Зачем?!

— Хочу.

— Да как ты... — я набрала воздуха в легкие и поперхнулась им, взбесившись от очередного короткого ответа.

— Тебе неприятно? — тон стал мягче, а вот взгляд наоборот.

Виктор держал меня своим взглядом на привязи, не давая отвести глаза.

Я физически ощущала этот стальной, натянутый между нами канат.

Ничего сверхъестественного не происходило, но посмотреть в другую сторону я просто не могла. Пялилась в его темные глаза, абсолютно никаких эмоций не выдававшие.

— Неприятно, когда кто-то развлекается за счет чужой боли! — огрызнулась я.

— Я не развлекаюсь.

— А что еще ты делаешь? Думаешь, мы сами не понимаем, как глупо это выглядит? — я повысила голос, хотя и без того говорила громче обычного. — Понимаем! И тем более не хочется делать глупости на глазах у... — я набрала в легкие закончившийся воздух. — У посторонних!

Виктор выдержал недолгую паузу, внимательно изучая мое лицо и чуть более доброжелательно, чем раньше, спросил:

— Если с твоей точки зрения это глупо, зачем ты это делаешь?

Я бы заподозрила издевку, но тон его был все таким же ровным.

— Потому что хочу замуж. Это тоже глупо? Или смешно? — меня почему-то несло.

Надо было остановиться и успокоиться. Или вообще проигнорировать его присутствие, но почему-то его роль этакого наблюдателя за глупыми муравьишками, меня задела.

— Нет, хотеть замуж не смешно, — взгляд Виктора не отпускал меня, но тяжеле с каждым словом. — Смешно, когда женщина сама себя обманывает. Верит в то, что бумажки с желаниями, горящие в костре, что-то изменят.

— С именами! Именами бывших! Мы избавляемся от прошлого!

— Сжечь бумажку с именем не поможет.

— А что поможет? Надо самого бывшего сжечь?!

Я аж приотпнула от негодования босой ногой, не заметив мелкий камушек, впившийся в ступню. Подпрыгнула на месте, зашипев от боли — и наконец разорвала нить взглядов между нами.

Виктор лишь качнул головой, но уголки его губ слегка приподнялись.

— С чего ты вообще взял, что я себя обманываю! — продолжала кипеть я. — Это просто развлечение.

— Ты участвуешь в развлечении. А могла бы развлекаться с настоящим мужчиной, а не воображаемым, если бы действительно хотела.

— С каким? Каким? Где я его возьму! — я уже почти кричала.

Зря.

Зря я это спросила.

Вот совершенно зря.

Потому что в глазах Виктора мелькнуло что-то опасное.

И молчание его вместо ответа сказало мне куда больше, чем любой ответ.

Зря я снова посмотрела ему в глаза. Потому что с каждым мгновением его ответный взгляд становился все более неудобным, будто он сам проникал в меня, пытаясь поместиться в мою кожу. Я была не одна внутри себя, и от этого становилось жарче и тяжелее дышать.

Зря.

Еще несколько секунд — и я наговорю лишнего.

Или сделаю что-нибудь, о чем буду очень жалеть.

Очень сильно.

Очень.

О...

Я набрала в легкие воздуха и качнулась к нему...

Ровно в эту секунду он сказал:

— Думаю, мне и правда не стоит здесь гулять. Хорошего дня, Настя.

Развернувшись, Виктор легко сбежал по холму вниз.

Не оглянувшись.

Зато я стояла и смотрела ему вслед, тяжело дыша, будто только что карабкалась на этот холм. Впервые разглядывая так подробно без круизной суеты.

Высокий он.

Виктор, не холм.

Широкоплечий.

С узкими бедрами и длинными ногами.

Ему явно не меньше сорока, но двигался он легко, как могут двигаться только молодые мужчины, еще не познавшие скрипа коленок и болей в спине.

При этом движения скупые и точные, словно он контролирует свое тело лучше, чем большая часть людей.

А еще от него исходило ощущение опасности.

Мне одновременно было жаль, что он ушел — и в то же время я испытывала облегчение, что не пришлось проверять, на что я способна.

И на что способен он.

Он, кажется, на многое. Не уверена, что я выдержу его уровень.

Чем дальше он уходил по набережной в сторону теплохода, тем растерянной я становилась, не понимая, с чего вдруг так закусилась на человека. Что за истерическая реакция на пустом месте? Докопалась до полужнакомого мужика, наехала на него, чуть не набросилась с... Ну, будем считать, что с кулаками.

Дура какая-то.

А ведь всегда гордилась всегда своей рациональностью.

Даже к поискам мужа до этого круиза подходила рационально.

После развода я, разумеется, пыталась найти нового мужчину. Потому что была уверена, что тут как с верховой ездой. Упала с лошади — садись обратно, а то так и будешь всю жизнь бояться.

Но теперь у меня была Алиска — и жизненный опыт.

После тридцати от мужчины мне требовалось нечто большее, чем умение играть на гитаре и горячо шептать на ухо: «Хочу от тебя ребенка... девочку. Такую же красивую, как ты!»

В двадцать пять я считала, что это самое главное, и Андрей справлялся безупречно.

После свадьбы оказалось, что для семейной жизни нужно другое: умение зарабатывать деньги, менять подгузники этой самой красивой девочке и терпеть ее крики.

Хотя бы терпеть, если уж не можешь успокоить.

Примерно с такими критериями я и вышла на брачный рынок, обмыв свеженькое свидетельство о разводе. Мне казалось, что это не очень высокие запросы. Примерно, как предыдущий набор, просто в другой области и в другой возрастной категории.

Какой я была наивной...

Первым делом мне объяснили, что никому я не нужна с «чужим приплодом».

Разве что на пару раз, но и тогда должна постараться, чтобы компенсировать столь ужасный недостаток.

Потом рассказали, что если все-таки меня милостиво согласятся принять, Алиски в жизни нового мужчины быть не должно. Обеспечиваю я ее сама, забочусь о ней сама, а он не обязан даже разговаривать с моим ребенком.

У него нет никаких обязательств по отношению к ней — и ко мне.

Зато у меня — есть. Ведь он же не сажал на шею мне своего ребенка? Значит, я должна быть благодарна и вкладываться в наши отношения больше.

Ну, то есть, я готовлю, убираюсь, работаю, полностью занимаюсь дочерью.

А «любимый мужчина» позволяет мне заботиться о нем и быть счастливой от того, что он есть в моей жизни.

Ни один мой роман не продлился дольше двух месяцев.

За пять лет одинокой жизни я превратилась в ту самую разочарованную и обиженную разведенку с усталостью в глазах, которой так боятся все мужчины.

В круиз я отправилась, совершенно не веря в то, что получится найти мужа.

Я просто хотела поставить галочку — попробовала все возможное и невозможное.

Вышла замуж

После напряженного разговора с Виктором, мне уже не хотелось гулять по Рыбинску. Но тут такое дело... Надо же себя заставлять! Не представляю, что должно случиться, чтобы я решила еще раз приехать в этот город.

А значит — уникальный шанс.

Единственный визит.

Мимо памятников бурлаку и Остапу Бендеру, мимо Красной площади и архитектурного музея, мимо пекарен и кофеен с изумительными запахами, мимо уютных местечек, куда можно пробраться через тайные арки — я оббежала, кажется, весь город.

Купила сувениры с рыбами и приползла к отбытию теплохода не только успокоившись, но и без задних лап. Стоять на палубе, наблюдая, как мускулистые матросики бегают с канатами, сил уже не было, поэтому я свернула в музыкальный салон, чтобы наблюдать отшвартовку оттуда.

И совершенно не обратила внимания, что внутри уже творилась какая-то суeta и были слышны нетерпеливые повизгивания.

Которые стали намного громче, когда я вошла в салон через распашные двери.

Внутри была Серафима с десятком девчонок, которые почему-то завизжали еще громче и стали кидаться мне на шею и поздравлять.

— Что происходит? — ошалело спросила я, оглядываясь.

— Настя! Ты вышла замуж! — прокричали мне в лицо и зачем-то сунули бокал с вином в руку.

— Когда я успела? — растерялась я, но вина отпить не забыла. — За кого?

— Смотри!

Меня развернули к дверям и показали прищипленный над ними листочек с надписью «ЗАМУЖ».

— Это ритуал! Прикол! Надо было выйти в эту дверь — типа замуж! — пояснили мне. — Мы даже не успели, ты первая выскочила!

— С ума сойти... — покачала я головой. — И что это значит?

— Ты приглашаешь нас на свадьбу! — сообщили мне радостно.

— Х-х-хорошо... — пробормотала я, допивая вино.

Девчонки еще немного поспорили, выясняя, кому высказывать «замуж» следующей, но дисциплинированно выстроились в очередь. Успели выйти еще две, пока из коридора не повалили замуж более возрастные дамы.

Они толпились в дверях, стремясь скорее попасть в салон. Мы аж растерялись от их количества и даже некоторой агрессивности.

— Ты здесь сидишь? — меня отодвинула от дивана старушка в спортивном костюме. — Нет, не сидишь.

— Стульчик нужен?

— Давайте, убирайте все со стола!

Их было больше, так что драться мы побоялись.

Последней вошла шикарная матрона с высокой прической, закутанная в цветастую шаль с кистями.

— Так, девочки, рассаживаемся за столами, сегодня в нашей рукодельной мастерской мастер-класс по завязыванию платков! — объявила она зычным голосом и только после этого соизволила обратить внимание на нашу растерянную группку. — Платки будем завязывать?

— Не думаю, — выразила общую мысль Серафима. — Мы тут еще не закончили...

— Закончили! — перебила ее матрона. — Уже сорок лет в этом салоне мы по вторникам завязываем платки. Если остаетесь — тоже будете завязывать!

Даже не знаю, что хуже — нежданно выскочить «замуж» или принудительно завязывать платок. Я решила не сравнивать и сбежала из салона первой.

Традиции теплохода были странноватыми, но почему-то с каждым днем он мне нравился все больше.

Это пугало.

Судя по среднему возрасту пассажиров, мне было рановато!

На сегодняшний ужин Татьяна Марковна пришла в гарнитуре из янтаря, к которому прилагалась история об очередном знакомом, которого она встретила в Калининграде.

Мы вежливо покивали, но и только.

Да и она сама понимала, что «янтарный» любовник не дотягивал по уровню до аметистового. Но что поделать, не каждый день везет!

Ленка, кстати, на ужин не пришла. Правда, я не успела порадоваться, что у меня двойной десерт по цене путевки на одного, и каюта тоже одиночная с двумя кроватями.

Потому что с каютой я промахнулась.

Неспешно дошла до нее, уже слегка жалея о втором эклере, открыла дверь...

И закрыла.

Предупреждать надо. В американских сериалах в таких ситуациях вешали носок на ручку, чтобы у соседей не было психологической травмы. Ленка с Гордеем там, слава богу, пока только целовались, дальше пока не заходили, но я успела разглядеть, где были их руки и какого цвета у него трусы. А это не то знание, о котором я просила.

Нет, мне не жалко. Гордей вряд ли купил себе личный люкс...

Надо же молодежи где-то встречаться.

Но смесь неловкости и раздражения не отпускала меня еще долго, пока я шаталась по палубам теплохода, придумывая, куда приткнуться.

На дискотеке крутили какой-то совсем отборный треш начала девяностых, настолько тупой, что в другое время я бы тоже присоединилась, чтобы побеситься под него. Сейчас была не в настроении.

Бар захватил возрастной контингент. Не знаю, что они пили, а вот пели они застольную классику. Когда вошла — допевали «Шумел камыш», а потом перешли на «Ходят кони над рекою». Я в детстве застала еще классические застолья родителей с друзьями, оттого и знаю, что для «Камыша» надо примерно грамм триста водки на одно лицо. Можно только позавидовать бодрым старушкам, которые завтра утром еще поскачут на экскурсию.

В курилке собрались немногочисленные мужики этого круиза и устроили шашечный турнир. Дым там стоял коромыслом — несмотря на открытую корму, рассеиваться он не спешил, и я закашлялась еще на подходе.

Вдоль палубы неспешно разгуливали парочки — чаще всего из матери и дочки или двух подруг. Я было тоже пристроилась пройти, но расстояние между ближайшими гуляющими, увы, позволяло подслушивать их разговоры.

Так я узнала, чем полезна свекла для женщин в менопаузу, как выводить бородавки в домашних условиях, методы избавления от кротов на дачном участке — и еще немного про сексуальную жизнь в «платиновом» возрасте.

Кое-что мне теперь не забыть никогда.

Я еще сунулась на нос теплохода, надеясь, что там нет ветра и людей. В принципе — да. Ни людей, ни ветра не было. Зато были полчища комаров, которые радостно на меня набросились, заставляя расплачиваться за отсутствие других вариантов.

Податься было некуда.

Я кинула Ленке сообщение, чтобы она хоть маякнула, когда они закончат свои обжимашки, но она не ответила.

Чтобы как-то скоротать вечер, я заглянула в библиотеку и цапнула с полки первое, что привлекло мое внимание — любовный роман в ярко-розовой обложке. Он туда забрел явно по случайности и чувствовал себя неловко среди путеводителей и скучной советской классики в обтрепанных обложках.

Устроившись на диване рядом с пустующим детским уголком, я пролистнула сразу несколько страниц, сунула нос в середину...

— И снова пустые мечты и фантазии вместо реальных отношений? — прозвучал надоевшей резкий насмешливый голос.

Жить

Шкафчик из люкса со взглядом убийцы.

Виктор.

С наездом, как будто ему делать больше нечего, кроме как дергать меня за косички в этот скучный круизный вечер. Впрочем, может, и нечего.

Это для Серафимы на нижней палубе накрыт шведский стол из мускулистых молоденьких парней. А с юными красотками на теплоходе намного хуже — я видела всего несколько горничных моложе тридцати.

— Ну вот что ты тут делаешь? — спросила я раздраженно. — У тебя ведь целый люкс с двумя комнатами!

— Уже и про каюту мою в курсе, — ухмыльнулся Виктор. — В люксе слишком слышно дискотеку. Тут, кажется, недолюбливают богатых пассажиров.

— Сочувствую.

Он качнулся в сторону, опираясь плечом на переборку, закрипевшую так, словно сейчас проломится под тяжестью его тела.

— А ты почему не у себя?

— У меня соседка нашла личную жизнь.

— А ты не нашла.

Виктор сложил руки на груди.

Здесь, во внутренних коридорах теплохода, он казался даже более высоким, чем на свежем воздухе. Почти доставал головой до низкого потолка.

— Даже не искала.

— Ты точно хочешь замуж?

— Не хочу.

Он удивленно хмыкнул, окинув меня нескромным взглядом.

— Вот это сюрприз. Женская логика во всей красе. Приехать в круиз «Хочу замуж» и не хотеть замуж.

Я дернула плечом.

Он снова хмыкнул и отлип от вновь скрипнувшей переборки.

Но вместо того, чтобы уйти, бесцеремонно уселся рядом на диван, нимало не волнуясь о том, что вдвоем мы тут помещались уже с трудом.

Рядом с ним я чувствовала себя нервно. Хотелось встать и уйти.

Он не ощущался безопасным, как часто бывает с крупными мужчинами. Он не был большим медвежонком, которых часто любят женщины.

Наоборот — от его присутствия я ощущала мурашки и напряжение во всем теле.

Ничего хорошего — это в юности трепет и бабочки в животе считаешь признаком большой любви. Как взрослая женщина я много читала и смотрела психологов в области отношений и знаю, что это предупреждение интуиции о том, что человек может быть по-настоящему опасным.

Здравый смысл и разум требовали встать и уйти. Или хотя бы пересесть на подлокотник дивана, чтобы сохранить дистанцию и намекнуть Виктору, что ответ «нет».

Но...

Я осталась на месте.

Остро чувствуя как жестко давит его бедро.

Вдыхая его очень мужской тревожащий запах.

Ощущая жар, исходящий от него и давящее присутствие.

И то, как задергалось пойманной рыбкой сердце, когда он развернулся ко мне и знакомо уже поймал в плен мой взгляд. Пересохло в горле и вспотели ладони — будто мне снова тринадцать, и мальчики лишь недавно перестали быть противными и мерзкими, и ты впервые ощущаешь замирание в груди и тепло в животе.

Только мне тридцать с лишним, я уже была замужем, и я взрослая женщина. Которая должна разумно относиться к гормональному коктейлю в крови, и не верить всему этому фейерверку эмоций. Должны же у бессердечного опыта и возраста быть какие-нибудь плюсы для женщины?

— Если ты не хочешь замуж, то зачем занимаешься всей этой ерундой? — Спросил Виктор. — Статуи, хороводы, что у вас там еще?

У нас там еще столько ерунды, что стыдно рассказать.

Но я действительно ею занимаюсь.

— Честно? — вздохнула я.

— Можешь мне доверять, — его ладонь легла мне на колено так естественно, что с любым другим человеком я бы и не дернулась.

Но его — обожгла.

Я ощутила ее всей кожей — твердые мозоли на кончиках пальцев, тяжесть давления, едва заметное движение выше, к краю подола моего летнего платья.

До него оставалось несколько сантиметров, и я понимала, что если его пальцы окажутся под подолом — все будет ясно.

Как будто сейчас не ясно!

Но я держалась за свои иллюзии и отвечала на вопрос абсолютно серьезно.

— Я просто хочу, чтобы все увидели — я сделала, что могла. На свидания ходила, молилась, терла носы статуям. Пусть уже все от меня отстанут, мне надоело заниматься поисками мужа.

— Ты хочешь остаться одна?

— Нет!

— Чего же ты хочешь?

Виктор наклонился ко мне, коснувшись плечом — его горячая кожа скользнула по моей, вызвав еще больше огненных мурашек.

Вопрос прозвучал двусмысленно.

— Знаешь... — начала я.

— Пока нет, — очень серьезно сказал он, наклоняясь еще ближе, буквально утрамбовывая меня в угол дивана и нависая сверху.

Его было уже так много, что тело мое не знало, какие сигналы чувствовать — тяжелую ладонь на бедре, будоражащий запах, исходящий от него, горячее дыхание, которое я ощущала на своей коже, растущее давление его тела?

— Я просто хочу... — начала я снова, уже теряя мысль по дороге.

— Чего? — вопрос коснулся моих губ.

Тебя.

Жить.

Не думать.

Развлекаться.

Надо было выбрать что-то одно? Или придумать новое?

Но я уже не успела, потому что Виктор окончательно свел с ума все защитные системы, накрыв меня своим телом. Что-то такое орало в голове, взрывались огненные всполохи на коже, дергалось невпопад сердце, перехватывало дыхание и звенели нервы.

Пока его язык раздвигал мои губы, врываясь внутрь без всяких прелюдий и нежностей и захватывал власть.

Жадный.

Наглый.

Требовательный.

Сносящий башку поцелуй.

Поцелуй. Много-много бешеных, горячих и жестоких поцелуев, которые соединили все возможные ответы на его вопрос в одно конкретное желание.

Не успела

Как бы я ни теряла голову от всего, что делал со мной Виктор, я все-таки услышала, как быстро простучали мимо ботинки одного из матросов, который сделал вид, что нас не заметил. Надеюсь.

— Я тебя все равно трахну, — от его откровенности меня всю перетряхнуло с ног до головы. — Сама выбирай — устроим инфаркт старушкам или дойдем до моей каюты?

— И там под «Малиновки заслышав голосок»? — с трудом ловя сорванное дыхание, хмыкнула я.

— Настя, Настя... — Виктор чуть-чуть отстранился, уже не так сильно вдавливая меня в диван.

Очень зря.

Именно его размеры — пока только рост, но я надеялась на продолжение! — и напор заводили меня. Его прямота и даже грубость. Его отчетливо сдерживаемая агрессия — словно пожар, тлеющий в закрытой комнате. Но стоит распахнуть дверь — и пламя вырвется наружу, захватывая все вокруг.

— Ты не пожарный? — зачем-то спросила я.

— Нет, я... — он запнулся. — Охранник.

— Телохранитель?

— Не совсем.

Любопытство плохо сочетались с возбуждением, видимо, поэтому Виктор поскорее заткнул мне рот очередным поцелуем.

Настолько агрессивным, что показалось — он меня сейчас сожрет.

Никогда не думала, что от поцелуев могут болеть губы.

Но мне так нравился этот бешеный напор, что я ни капли не возражала — пусть жрет.

Он обнял меня одной рукой за талию и легко, играючи поднял в воздух, чтобы поставить на ноги. Оторвался от моего рта и быстро огляделся — коридор, дверь на палубу, трап.

Словно просчитывал маршрут.

Просчитал удачно — в нашем путешествии с главной на солнечную палубу было примерно четыре трапа, пять дверей и три коридора. При этом мы умудрились ни на кого не наткнуться.

До самого последнего отрезка пути, где обнаружилась Серафима.

Кто мог вообще ожидать, что она спрячется в узком проходе на солнечной палубе, где, забытые всеми, стояли два тренажера — эллиптический и беговая дорожка.

Наверное, чтобы заниматься спортом с видом на реку.

Еще там громоздились ящики с песком, ведра и багры, пожарный рукав и стопка деревянных спасательных кругов с названием теплохода.

Там-то она и курила тайком.

Виктор ее заметил не сразу. Он затащил меня наверх по трапу, все так же — обхватив одной рукой за талию, поставил на три ступеньки выше и притянул к себе. Зарылся рукой в волосы, потянув их так сильно, что я вскрикнула — и он накрыл мой рот губами.

Вскрик обернулся стоном. Эта легкая боль только усилила возбуждение, и я была уже не против инфаркта у пассажиров.

— Упс... — услышала я женский голос и похолодела, узнав его.

Однажды мама застучала меня, когда я целовалась за дачным сараем с деревенским парнем на десять лет старше. Мне запрещали даже смотреть в его сторону, и когда нас раскрыли, я испытала приблизительно те же ощущения.

Кошмар! Позор!

Виктор среагировал молниеносно — резко развернулся, задвигая меня за спину и щелкнул кнопкой на крошечком, но очень ярком фонарике, направив луч прямо в лицо Серафиме.

Она подняла руку, пытаясь заслониться от него.

— Эй, полегче! — она пыталась рассмотреть нас сквозь яркий, выжигающий все вокруг свет. — Все, все, уже уйду!

Она наклонилась, чтобы потушить сигарету в ящике с песком.

— Я вас не видела, вы меня не видели!

Виктор щелкнул кнопкой, выключая фонарик.

Серафима правильно его поняла, и очень быстро, пока он не передумал, протиснулась мимо спасательных шлюпок к корме, где все еще грохотала дискотека.

Виктор тоже времени не терял. Подхватил меня и распахнул дверь, ведущую во внутренние помещения теплохода.

В коридоре, застеленным мягкими ковровыми дорожками бордового цвета, мы передвигались тихо, как ниндзя. Пока наконец не оказались в люксе Виктора.

Он запер дверь, оставив ключ в замке, задвинул щеколду — и повернулся ко мне.

Хищно. Плавно.

Угрожающе.

Я даже отступила на пару шагов от этого маньяка.

На секунду мне показалось что меня ждет не страстный горячий секс, а что-нибудь менее интересное. Например, ужин, где я буду выступать в роли главного блюда.

Вдруг он добывает белок с помощью случайных попутчиц в круизах?

Вон какие мышцы, никаких котлет из местного меню не хватит!

Я нервно переступила с ноги на ногу и решила слегка ослабить напряжение искрометной шуткой:

— Не боишься, что после этого тебе придется на мне жениться?

— Сама сказала что не хочешь замуж, — Виктор сделал один скользящий шаг ко мне, и я снова отступила.

— Я-то не хочу, но ритуалы и приметы могут сработать против моей воли!

— Как женюсь — так и разведусь, — Виктор качнулся в мою сторону, и я уперлась спиной в стену. — Иди сюда. Или уходи, если боишься.

— Тебя? — вздернула я подбородок.

— Меня, брака, сплетен, оргазмов...

— Особенно я боюсь оргазмов, — отважно заявила я. — Но люблю идти навстречу своему страху.

— В этом мы похожи.

Я собиралась продолжить этот нервный флирт, спросив, неужели мы похожи в страхе перед оргазмами.

Но не успела.

Еще я не успела рассмотреть интерьер люкса, хоть и было до жути любопытно.

Даже раздеться не успела.

Виктор преодолел расстояние между нами одним длинным шагом и дальше все закружилось вихрем — его руки, сминающие платье, губы, скользящие по шее, пальцы, отодвигающие трусики в сторону, тело, вжимающее меня в стену каюты, бедра, припечатывающие к ней, член, ударяющий в меня, дрожь и судороги — и снова руки-губы-бедра-пальцы-член...

И обещание вместе с наполненным дрожью горячим выдохом мне ухом:

— Постой, это только начало...

Орангутанг

И он не обманул... я даже не успела возмутиться что мне недодали удовольствия, как Виктор подхватил меня под бедра и, сделав всего пару шагов, перенес в соседнюю комнату на кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.